* * *

Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь ещё не настала пора...
Сонной тенью немого укора
загустели твои вечера.

Август, август, озёрная свежесть,
дрожь листвы на опавших цветах...
Мы, мой друг, замечаем всё реже
прежний блеск в приземлённых глазах.

То ль с тобой мы своё отлетали,
хоть в душевных порывах — легки,
то ль полей поседевшие дали
слишком стали для нас далеки...

И не манит спокойного взора
золотая заката игра...
Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь ещё не подходит пора...

ИРКУТСК

В Иркутске сходятся две реки:
Иркут и Ангара

Бежит на север сильная, просторная
двух быстрых рек холодная волна...
Соединила здесь сама история
времён непримиримых имена.

Став Октября неосторожным пленником,
дань отдаю вождю и Октябрю...
И вижу: выше памятника Ленину
величественный памятник Царю.

Нет, на Руси монархия не свергнута.
В ней Царь и вождь скрепились на века.
По улицам Урицкого и Свердлова
я вышел к монументу Колчака.

Здесь две реки в один поток сливаются.
Его никто не в силах развернуть...
Здесь два пути страны соединяются
в единый, вечный, неразрывный путь.

ВОДА БАЙКАЛА

Я по нему опять тоскую...
Как долго я спешил туда!..
Была подобна поцелую
Байкала чистая вода.

Вошли в меня сердечной новью
и Ангара, и Усть-Уда...
Как свет небесный Подмосковья —
Байкала синяя вода.

Но если в воздухе кружилось
ненастье хмурое, тогда
в стальном дыханье шевелилась
Байкала серая вода.

Теперь в сибирской ностальгии
душа пребудет навсегда.
Скрывает столько тайн России
Байкала чёрная вода...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день.
Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.

Подвальное кафе писательского дома…
И терпкое вино за столиком в углу…
— Как странно, до сих пор
я с вами не знакома, —
сказала и, чутьём недремлющим влекома,
глазами отдалась неясному теплу…

Как странно… Было всё необычайно странно…
Взаимное тепло и глаз, и рук, и губ…
— Нам будет нелегко, — я ей сказал туманно.
И в чувствах, и в словах я был несносно скуп.

Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах…
И пишет мне она с тоской: «Какая мука…»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах»…

* * *

Ты пишешь мне: «Всегда твоя» —
привычно и не осторожно.
В тисках земного бытия,
мы знаем, это невозможно.

Мы знаем, в бренности земной,
здесь, где бессмертно только Слово,
ты не моя и я не твой,
как не хотели б мы иного.

Судьбу не изменить уже.
Но скоро, слившись, точно реки,
одна душа в другой душе
поймут без слов: теперь навеки…

ПЕРЕКЛИЧКА

Анатолию Аврутину

Подлый мир отказался от наших святынь —
в этом мире другие святыни.
И куда ты свой взгляд беспокойный ни кинь —
всем Россия чужая отныне.

Мир блефует в придуманных снах
и во лжи,
в однополой убийственной страсти…
Где-то детство моё в колосящейся ржи
притаилось, как в маленьком счастье,

засиделось у речки, уснуло в лесу,
закружилось в цветах на лужайке…
Я за пазухой детство, как птаху, несу,
чтоб о нём рассказать без утайки.

Чтоб светилось оно в этих строчках простых,
согревая глаза дорогие,
чтобы в детях, рождённых при песнях иных,
билось вечное сердце России.

Я под пенье сверчка на печи засыпал,
под рассказы о плотнике-деде…
Нам динамик из чёрной тарелки вещал
о вожде, о труде, о Победе…

Мы росли на руинах великой войны,
со страной возвышаясь и каясь,
нас безродные пичкали чувством вины,
от святынь и побед отрекаясь.

Ныне в наших домах тех динамиков нет.
Мы умней и трезвей стали ныне.
Нас в искусственный свет
заманил Интернет…
Но в душе — неизменны святыни.

* * *

Перед Распятьем я Бога просил:
«Господи, дай мне успеть,
дай мне набраться немыслимых сил —
духом врагов одолеть.
Господи благостный, сколько же их,
подлых, сплочённых во зле,
недругов этих безумных моих
здесь, на родимой земле!..»
Тихо ответил Он мне: «Отойди.
Кайся и плачь во Христе.
Раньше Меня никого не суди.
Я ради всех на Кресте».

НАПОСЛЕДОК

Памяти
Дмитрия Хворостовского

Как молоды мы были, как молоды мы были…
Хмельные наши кони летели в небеса…
Мы ожиданьем жили, мы Родину любили,
мы слышали в эфире родные голоса.

Пленительные песни, живительные звуки
ласкали нашу юность, бодрили нашу плоть.
Не знали мы ни скуки,
ни той сердечной муки,
что сможем со слезами
в судьбе перебороть…

Как искренни мы были…
По мощным волнам плыли…
Казались неземными заморскому уму…
В заоблачных юдолях, в сиянье лунной пыли
мы ярко проходили сквозь золотую тьму.

Блестит ещё неброский
ноябрьский снег московский…
Затихших губ усталость
и щёк запавших мел…
Остыли наши кони…
Но Дима Хворостовский
во мгле рекламных пауз
нам напоследок спел…

ДАР ЛЮБВИ

В минуты слабости душевной
в себе глушил я резкий жест.
Перед толпой нещадно-гневной
Он за меня всходил на Крест.

Когда в заклятье поруганья,
жестокий суд людской кляня,
я уходил от наказанья, —
Он осуждался за меня.

Не отвести беду руками.
Когда в меня под смех и вой
со всех сторон летели камни,
Он закрывал меня собой.

Я слово правды не нарушу,
стремленью верен одному —
свою, ещё живую душу,
как дар любви, вручить Ему.

АНГЕЛЫ РОССИИ

Мягкие игрушки на снегу погоста…
Всем лесам и весям, всей России слышно:
ангелы Беслана, ангелы «Норд-Оста»
под метелью марта плачут в «Зимней вишне».

Мы застыли снова под дыханьем вышним,
мы опять склонились под огнём незримым…
Детский смех не слышен
в чёрной «Зимней вишне»,
детский смех задушен едким жёлтым дымом.

И трепещут свечи в мартовской метели.
И снега слезятся всей бескрайней ширью.
Мягкие игрушки в небо улетели.
Ангелы России плачут над Сибирью.

Соберём в ладони гроздья зимних вишен
и оставим божьим птицам возле храма…
Ангельский, последний будет вечно слышен
голос в телефоне: «До свиданья, мама…»

ОДУВАНЧИКИ

Разгулялась весна ненаглядная
в майских, чистых, нежарких лучах.
И прохожей глаза шоколадные
заставляют забыть о годах…

Я и вправду, наверно, не стар ещё —
не сгибаюсь под грузом годов…
Мы, как прежде, присели с товарищем
возле речки меж птичьих кустов.

Разложили закуску нехитрую
на душистой, на свежей траве…
А речушка вечерней палитрою
вся сияет в своём естестве.

Накатили винца по стаканчику,
бросив крошки синицам в кусты.
А за речкой горят одуванчики,
эти первые в поле цветы…

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

Как же много, друг, хотел успеть я!..
Но река уходит под снега...
За чертой семидесятилетья
ждут меня иные берега.

За спиной — большая жизнь земная,
время взлётов, песен и утрат.
В новый путь зовёт стезя иная...
Нам осталось, друг, взглянуть назад.

Нам осталось, друг, с тоской припомнить
золотые в юности деньки.
И ещё — последний долг исполнить
всем пустым наветам вопреки.

Долг последний, лёгкий и безмерный,
как итог сердечных наших сил,—
сбережём в душе своей бессмертной
всех, кто в мире дольнем нас любил.

Мы с тобой, по прошлому тоскуя,
этот свет, мой друг, храним в крови,
чтоб навеки их любовь земную
слить с живой рекой своей любви.

От редакции:

Дорогой Валерий Васильевич! Набережные Челны и весь Татарстан рады поздравить тебя, талантливого поэта, редактора русского патриотического журнала «Молодая гвардия» со свершившимся юбилеем — 70-летием. В счастливые семидесятые годы прошлого столетия твоя творческая судьба начиналась на строительстве КамАЗа, где ты работал монтажником и занимался в легендарном литературном объединении «Орфей». Мы были вместе. В одном строю остаёмся и сейчас, как представители первого послевоенного поколения. Твои стихи полны лиризма и честного гражданского звучания.

Будь!

Николай Алешков